

Спать вместе? Папа и Союз по спасению Фэйфэя переглянулись. А почему бы и нет? Он помнил, как эти мальчишки бегали с голыми задницами. Он не только видел это, но и в юности сам иногда возглавлял эту ватагу сорванцов, носясь с ними по старому особняку.

Линь Сынянь откашлялся, привлекая всеобщее внимание, и сказал:

— Только на один раз. А то что это такое — каждый день спать всем вместе! Никаких правил!
— Он строго отчитал Линь Ханя и его компанию за разгильдяйство и заявил, что это в последний раз.

Линь Хань подумал: «Буду делать вид, что верю, будто дядя и вправду так думает».

Но раз уж сегодня цель достигнута, кого волнует, что будет завтра?

Именно этот образ мыслей Линь Ханя и заложил основу для бесчисленных будущих «великих войн» в семье Линь. Со временем эти конфликты разрослись до невероятных масштабов, вовлекая в себя огромное количество участников, и вошли в историю семьи как самые масштабные.

Как только договорённость была достигнута, ребята из команды Линь Ханя мгновенно преобразились. Они с улыбками усадили Линь Сыняня на диван:

— Дядя, сидите, отдыхайте. Мы с братьями всё сами сделаем. Быстро управимся.

Сказано — сделано. Не сговариваясь, четверо принялись за дело: кто-то отодвигал журнальный столик, кто-то подметал пол. Когда всё было готово, оставшиеся в гостях Цзи Ичэн и его друзья тоже были призваны на помощь — таскать одеяла со второго этажа.

В комнате Линь Хань присел на корточки, чтобы вытащить одеяло, и тут услышал, как Цзян Ян робко спрашивает:

— Ханьцзы, как думаешь... можно я тоже сегодня у вас заночую?

Дело было не только в Фэйфэе и маленьком рыжем котёнке. Главная причина заключалась в том, что Цзян Яну очень понравилась атмосфера в семье Линь. Здесь было по-настоящему хорошо.

Семья была шумной и весёлой. Хотя Линь Сынянь и его племянники только что вели словесную перепалку, Цзян Ян видел, что это была скорее игра.

В этом взаимодействии каждый был яркой, живой индивидуальностью. Казалось, даже их жесты и движения пропитаны тёплым светом, исходящим от камина. Этот мир притягивал, в него хотелось погрузиться.

Это был совершенно другой мир, не похожий на семью Цзян. Мир, который был так притягателен для таких, как он.

Линь Хань нахмурился.

— Ты домой не собираешься? Сегодня же первый день Нового года.

После первого дня начинались визиты к родственникам, так что у Цзян Яна и его друзей тоже были свои дела.

Цзян Ян пожал плечами.

— Новый год каждый год одинаковый, что празднуй, что не празднуй — разницы никакой. Моим родителям всё равно, где я ночую. Главное, позвонить и предупредить, а завтра вовремя вернуться.

— Ну, ладно, — согласился Линь Хань. Гостиная в их доме была большой. Раз уж столько народу, то ещё двое-трое погоды не сделают.

— Спасибо, Ханьцзы! Ты настоящий друг! — обрадовался Цзян Ян и по-дружески обнял Линь Ханя за плечи.

Линь Хань тут же стряхнул его руку.

— Сам тащи себе одеяло, — буркнул он и указал подбородком. — Но спать будешь с краю. Наши места уже распределены со вчерашнего вечера.

Цзян Ян был не привередлив. Схватив первое попавшееся одеяло, он с предвкушением повернулся, чтобы выйти из комнаты, но наткнулся на две бесшумно возникшие за его спиной фигуры. От неожиданности он пошатнулся и, едва устояв на ногах, раздражённо пожаловался:

— Вы что, не можете шуметь, когда подходите? Знаете, что человека можно до смерти напугать?

Цзи Ичэн проигнорировал его слова и, понуро опустив голову, протянул:

— Я-я-я то-о-о-же хо-о-о-чу-у-у...

В замкнутом пространстве его протяжный голос и мрачный вид, который он принимал, когда не улыбался, создавали зловещую атмосферу. Хорошо, что свет был включён.

Но Линь Хань, Цзян Ян и Го Кай не испугались. Из всей их компании самым разговорчивым казался Цзян Ян, но на самом деле самым ребячливым был Цзи Ичэн. Если прислушаться, в его протяжном голосе можно было различить нотки обиды.

Очевидно, он был недоволен тем, что Цзян Ян решил заночевать у Линь Ханя без него.

Линь Хань лишь беспомощно махнул рукой.

— Ладно, ладно, делайте что хотите. Кто хочет остаться, берите одеяла. Только не забудьте домой позвонить.

Лицо Цзи Ичэна мгновенно просияло. Он выхватил одеяло из рук Цзян Яна и, обняв его, побежал вниз.

— Ребёнок, — пробормотал Цзян Ян, глядя ему вслед. Затем он снова нагнулся, взял другое одеяло и посмотрел на Го Кая: — Кай, а ты? Может, тоже останешься? В твоём доме такая тоска, лучше уж здесь.

— Если вы все здесь, как я могу отставать от коллектива? — усмехнулся Го Кай.

Две минуты спустя все трое, обняв одеяла, спустились вниз.

— Пойдите, кто-то всё-таки отстал. Фэнцзы нет, — сказал Цзян Ян на ходу.

Линь Хань усмехнулся.

— Он мне днём звонил. Сказал, что его дядя на новогоднем вечере что-то услышал и спрашивал, не знаю ли я чего. Я его отшил. Наверное, сейчас дуется, воюет со своим дядей.

На губах Линь Ханя появилась лукавая улыбка. «Принимают меня за дурака. Ничего, подождите. Сегодня днём они забрали домой одного маленького короля драмы, который рыдал и требовал, чтобы дедушка выбросил папу в мусорку. А вечером, возможно, к ним заявится и большой король драмы. Один внук, другой — родной сын. Уверен, дедушке Цуй придётся несладко с этими двумя сокровищами. Тот, кто затеял эту интригу, ещё поплатится».

Когда Линь Хань и его друзья спустились вниз, они застали неприятную сцену. Линь Яо, самый младший в семье, вцепился в перила лестницы и отчаянно ревел. Он плакал и не отпускал перила, и никто не мог его успокоить.

— Нет! Нет! — Линь Яо не просто кричал, он рыдал навзрыд, его лицо было мокрым от слёз. — Братик... спать, ик... Яояо... братик... ик... спать.

Малыш только недавно научился говорить, и сквозь рыдания было трудно разобрать его слова.

Фэйфэй, стоявший с другой стороны лестницы, мог просунуть руку сквозь решётку перил и обнять Линь Яо. Удивительно, но он понял, что тот пытается сказать, и перевёл Цуй Сюань:

— Тётя, Яояо хочет спать со мной внизу.

Линь Яо, всхлипывая, кивнул в подтверждение.

Возможно, это была та самая детская интуиция.

— Но... — Цуй Сюань колебалась. Она присела на корточки и попыталась уговорить сына: — Яояо, давай ты поспишь наверху с мамой и папой, а завтра снова поиграешь с братиком, хорошо?

— Нет... у-у-у... хорошо! — Линь Яо снова залился слезами, его маленькие ручки так сильно вцепились в железные перила, что костяшки побелели.

Плач Линь Яо был совсем не похож на плач Фэйфэя. Фэйфэй, послушный малыш, если и плакал, то тихо, стараясь спрятаться где-нибудь в уголке. Глядя на него, сердце разрывалось от жалости.

Линь Яо же, хоть и был маленьким, уже проявлял упрямый характер. Его плач вызывал одновременно и беспокойство, и раздражение, и страх, что он сорвёт себе голос. Он плакал с таким отчаянием.

Цуй Сюань выглядела беспомощной. Линь Яо так рыдал, что она ничего не могла поделать. В конце концов, она посмотрела на своего мужа, Линь Юйшо:

— Дорогой, может, ты сегодня поспишь с Яояо в гостиной?

Ночью Линь Яо нужно было водить в туалет, а под утро — кормить молочной смесью. Ей было неудобно просить об этом других, поэтому пришлось просить мужа.

— Хорошо, — кивнул Линь Юйшо.

Фэйфэй, услышав это, погладил Линь Яо по спине, успокаивая:

— Яояо, хороший, не плачь. Тётя и дядя согласились.

— Угу, ик... хорошо, — добившись своего, Линь Яо перестал плакать. Как маленький котёнок, он прижался к Фэйфэйю, не позволяя никому до него дотронуться.

Это его братик, никому не отдаст.

Когда Линь Яо окончательно успокоился, одеяла уже были расстелены. Фэйфэй сидел на мягкой горе из хлопка и серьёзно поучал Линь Яо.

Он выставил один свой нежный пальчик:

— Первое. Яояо, в следующий раз, если что-то захочешь, нужно хорошо попросить маму и папу. Нельзя плакать. Плачем ничего не решишь.

Неизвестно, где малыш услышал эту фразу, но он тут же применил её в своём уроке для Линь Яо.

Линь Яо, обнимая игрушечную уточку, с покрасневшими глазами послушно кивнул:

— Яояо не будет плакать.

Возможно, в этот момент слова Цуй Сюань и Линь Юйшо не имели для него такого значения, как слова Фэйфэя. Линь Яо не хотел, чтобы его братик Фэйфэй считал его непослушным. А то братик перестанет его любить.

— Второе, — Фэйфэй добавил ещё один пальчик. — Нельзя прилагать слишком много силы. Будет больно.

Маленький Линь Яо, должно быть, вырастет великим человеком. Когда он наконец отпустил перила, на его ладошках остались глубокие красные следы. На руках взрослого это выглядело бы не так страшно, но на маленьких ручках Линь Яо — просто ужасающе.

Этот малыш не щадил даже себя!

Линь Яо не совсем понял, что он имеет в виду. Когда Фэйфэй взял его руку и показал ему, он с любопытством потыкал в след пальцем, а потом, подняв глаза на Фэйфэя, радостно улыбнулся и покачал головой:

— Не больно. Яояо счастлив.

Фэйфэй, видя его искреннюю улыбку, растерялся. Он посмотрел на свою руку, потом на руку Линь Яо и с сомнением переспросил:

— Правда не больно?

Линь Яо сложил ладонки вместе, хлопнул и показал Фэйфэю. Ему и вправду было не очень больно. Просто ладонки немного покалывало и жгло. Но Яояо мог потерпеть!

Фэйфэй снова перевёл взгляд со своей руки на руку Линь Яо и обратно. Он с сомнением поднял свою левую руку. Она выглядела такой нежной и пухлой. Сжатая в кулачок, она была просто очаровательна.

Правда не больно? Наверное, не больно. Яояо младше Фэйфэя, и ему не больно. Значит, и Фэйфэю будет не больно.

В следующую секунду Фэйфэй поднёс свой кулачок ко рту и... куснул!

— У-у-у... — большие, влажные глаза Фэйфэя мгновенно наполнились слезами.

Ну почему? Яояо же сказал, что не больно! Почему Фэйфэю сейчас так больно?

Видя, что Линь Яо смотрит на него с ожиданием, Фэйфэй изо всех сил сдержал слёзы. Он ведь старший брат, он должен подавать пример. Фэйфэй не должен плакать.

Нужно держаться!

<http://bllate.org/book/13654/1593934>